

Т. А. ШЕНДИК,
кандидат политических наук,
Белорусский институт стратегических исследований, Минск, Беларусь
E-mail: t.bel.institute.ss@gmail.com

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ КОНТЕКСТ ПАРТИЙНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

Актуализирована проблема влияния на процессы формирования партийных систем правовых, финансовых, избирательных условий, а также культурно-цивилизационных предпосылок. Систематизированы инструменты партийного строительства как отдельного вида институциональной инженерии, направленного на формирование условий для создания, функционирования и ликвидации политических партий. На примере Армении и Казахстана раскрыта взаимосвязь между различными комбинациями инструментов партийного строительства и формирующимися в этих странах партийными системами. Выявлены культурно-цивилизационные предпосылки партийного строительства в США, Европе, странах Востока, Китае, постсоветских странах. Изложено авторское видение перспектив партийного строительства в Республике Беларусь.

Ключевые слова: институциональная инженерия, партийная система, партийное строительство, инструменты партийного строительства, избирательная система, цивилизационный контекст, предпосылки, условия

T. SHENDIK,
Candidate of Political Sciences,
Belarusian Institute of Strategic Research, Minsk, Belarus
E-mail: t.bel.institute.ss@gmail.com

THE CIVILIZATION CONTEXT OF PARTY BUILDING

The influence of legal, financial and electoral conditions, as well as cultural and civilizational prerequisites, on the formation of party systems has been addressed. The tools of party building as a separate type of institutional engineering aimed at creating conditions for the creation, functioning and liquidation of political parties are systematized. Using the examples of Armenia and Kazakhstan, the relationship between various combinations of party-building tools and the party systems emerging in these countries is explored. The cultural and civilizational prerequisites for party building in the United States, Europe, the Middle East, China, and post-Soviet countries are identified. The author's vision for the prospects for party building in the Republic of Belarus is presented.

Keywords: institutional engineering, party system, party building, party building tools, electoral system, civilizational context, prerequisites, conditions.

Одним из принципиальных вопросов политического развития, который сопровождает человечество на протяжении всей истории его развития, является политическое обустройство общества, создание адекватных механизмов представительства интересов и конкуренции за власть. Эти механизмы

эволюционировали вместе с динамикой социально-экономических отношений и прошли долгий путь от партий-группировок в период рабовладельческого строя и феодализма (до XVII в.), партий-парламентских фракций в буржуазный период (конец XVII – середина XIX в.) до массовых политических партий в период выхода на политическую авансцену рабочего движения (середина XIX в.).

Поскольку политические партии – продукт общества, в котором они возникают и развиваются, то и в наши дни этот институт обретает облик и черты современного информационного общества: известны медиа-партии, цифровые партии, партии-платформы и пр. Справедливо также отметить, что институционализация политических партий имеет свои особенности не только с точки зрения исторической перспективы, но и в зависимости от определенного культурно-цивилизационного контекста, когда на процесс формирования и развития партий влияют культура, система общественных ценностей, исторические традиции и т. п. Признание данного многообразия в противовес унификации взглядов на политическое обустройство обществ, выработанных западной цивилизацией, является ключевым принципом построения многополярного мира в XXI в. [1].

В рамках данной статьи предпримем попытку продемонстрировать, как культурно-цивилизационные компоненты (религия, история, этнос) [2, с. 170] оказывают влияние на выбор конкретных подходов к партийному строительству. Термин «партийное строительство» мы будем употреблять в широком смысле, понимая под ним деятельность государственных институтов по определению условий (политических, правовых, финансовых, институциональных), направленных на регулирование процесса создания, функционирования и ликвидации политических партий [3]¹. Такой ракурс позволяет рассматривать партийное строительство как технологический процесс (институциональную инженерию² [4, с. 271]), представляющий собой комбинацию различных инструментов для достижения субъектами партийного строительства желаемого результата. Инструментами формирования таких условий выступают нормы законодательства, регулирующие порядок создания, деятельности и финансирования политических партий, а также избирательные процедуры.

Отличительной особенностью предложенного подхода стал акцент на управляемый, в отличие от партогенеза, характер партийного строительства. Данная особенность является признаком современного (начиная с середины XX в.)

¹ В узком смысле под партийным строительством автором предлагается понимать деятельность преследующих политические цели акторов по созданию, функционированию и развитию политической партии.

² Под институциональной инженерией имеется в виду область, которая занимается сознательными методами изменения или реформирования институтов (правил, норм, определяющих регулирование социальных систем).

этапа развития партий, когда их деятельность стала активно регулироваться нормами права. Возникнув в европейских государствах, такая практика распространилась на те регионы, где право традиционно имело прецедентный характер. Например, в Великобритании в 1999 г. принят Акт о регистрации политических партий, которым традиционный явочный порядок создания партий заменен на регистрационный. В то время как Акт о политических партиях, выборах и референдумах 2000 года определил требования к хранению финансовых документов партии и осуществлению контроля за пожертвованиями в ее фонд и учредил избирательную комиссию, в компетенцию которой входят регистрация политических партий, контроль за финансированием ими мероприятий в сфере публичной политики и др. [5].

Действительно, анализ политической практики позволяет выявлять корреляции между комбинациями норм законодательства, регулирующего условия создания, деятельности и ликвидации партий, их финансирования, порядок участия в избирательных кампаниях и формирующимися в результате заданных условий (экзогенных факторов) партийными системами. Так, формированию конкурентных многопартийных систем способствует низкий порог численности для регистрации партий, их прогрессивное государственное финансирование, низкий заградительный барьер для попадания партий в парламент (при пропорциональной и смешанной избирательных системах), наделение ассоциаций граждан правом участвовать в электоральном процессе наравне с политическими партиями. В то же время высокий порог численности учредителей (членов) для регистрации партий, их пропорциональное государственное финансирование, «ценз» для выдвижения в парламент по партийным спискам, высокий заградительный барьер для попадания партий в парламент (при пропорциональной избирательной системе) либо закрепление за политическими партиями исключительного права выдвижения кандидатов в депутаты (при мажоритарной избирательной системе) способствуют формированию массовых провластных партий [6].

Наглядно названные тенденции можно проследить на примере сравнительного анализа подходов к партийному строительству в Армении и Казахстане. Сегодня в данных странах сложились два разных типа партийных систем, при этом, что обе республики приступили к суверенному этапу государственного и политического строительства практически одновременно в условиях перехода от советской партийно-государственной системы.

В **Республике Армения** сформировалась фрагментарная многопартийная система, которая, по оценкам аналитиков, во многом зависит от расстановки сил, обладающих экономическим влиянием. Большинство партий в стране созданы и создаются под конкретного лидера, не имея прочной идеологической базы и широкой социальной опоры. По некоторым оценкам, в настоящее время в трехмиллионной Армении зарегистрировано свыше 120 партий [7], из них

на уровне Национального собрания страны в разные периоды были представлены от 7 (выборы 2012 г., 2017 г.) до 5 (выборы 2021 г.) партий, ряд из них входили в альянсы (блоки партий). При этом правящая партия «Гражданский договор» имеет конституционное большинство в Национальном собрании [8].

Формированию такого типа партийной системы способствовали следующие условия:

низкий порог требований к численности членов, необходимой для регистрации партии: 200 человек в соответствии с Законом «О партиях» от 3 июля 2002 г. [9], 800 человек в соответствии с актуальной редакцией Закона «О партиях» от 30 декабря 2016 г. № ЗР-224 [10];

постепенное снижение требований к наличию необходимого для регистрации количества организационных структур партии на местах. Если Закон «О партиях» 2002 г. предъявлял требования к их наличию «не менее чем в 1/3 областей, включая Ереван» [9], то Конституционный закон Республики Армения «О партиях» 2016 г. уже предоставлял возможность создавать региональные подразделения либо в Ереване, либо в не менее чем 1/3 областей Республики Армения, либо в г. Ереване и не менее чем 1/4 областей Республики Армения, ранжируя при этом требования к количеству подразделений в каждой административно-территориальной единице [10];

государственное финансирование политических партий – пропорциональное, в различные периоды оно составляло от 5 до 3 % от общего числа голосов, поданных за избирательные списки всех принявших участие в выборах партий [9; 10];

закрепление за блоками партий наряду с политическими партиями исключительного права выдвигать кандидатов в депутаты на выборах;

рейтинговая система голосования, действовавшая в Армении до 2021 г., при которой каждая участвующая в выборах партия (блок) выдвигала один общегосударственный пропорциональный список кандидатов и по одному территориальному (рейтинговому) избирательному списку для каждого избирательного округа. При этом проходной порог составлял 5 % голосов от суммы общего числа бюллетеней для голосования, поданных за партию, и 7 % – за блок партий. Следует отметить, что количество депутатов, избираемых по мажоритарной системе, последовательно сокращалось, в то время как пропорциональная часть увеличивалась. Данный процесс совпал с укреплением доминирующей партии – Республиканской партии Армении. С 2021 г. выборы в Армении проводятся по пропорциональной системе, при этом избирательные барьеры для партий (блоков партий) в парламент сохранены [11];

положение Избирательного кодекса о стабильном парламентском большинстве, согласно которому партия, получившая большинство от общего числа мандатов, однако меньше 54 %, получает такое минимальное число дополнительных мандатов, чтобы в результате число мандатов этой партии в процентном выражении составило бы не менее 54 % [11].

Иную тактику партийного строительства демонстрирует **Республика Казахстан**. Установленный изначально высокий порог регистрации партии снижался постепенно, по мере формирования и закрепления ключевых игроков на партийном поле страны (40 тыс. в 2002 г., 20 тыс. в 2020 г. и, наконец, 5 тыс. членов, представляющих структурные подразделения партии во всех областях, городе республиканского значения и столице, численностью не менее 200 членов партии в каждой из них, – в 2022 г.) [12].

С 1995 г. в стране действовала смешанная избирательная система: из 77 депутатов Мажилиса 67 избирались по одномандатным избирательным округам по мажоритарной избирательной системе в два тура, 10 – по партийным спискам и системе пропорционального представительства в общенациональном избирательном округе с избирательным барьером в 7 % [13, с. 304]. В 2007 г. была введена и по 2021 г. действовала пропорциональная избирательная система: к распределению депутатских мандатов в общенациональном избирательном округе допускались политические партии, за списки кандидатов которых подано не менее 7 % голосов избирателей, принявших участие в голосовании. Партийные списки кандидатов в депутаты требовали внесения избирательного взноса в 15-кратном размере минимальной заработной платы за каждое лицо, за исключением списков партий, получивших на предыдущих выборах депутатов Мажилиса парламента семь и более процентов голосов избирателей от числа принявших участие в голосовании.

В рамках экономического стимулирования партийного развития Казахстан осуществляет прямую государственную финансовую поддержку политических партий, представленных в Мажилисе, пропорционально полученным голосам избирателей.

Данная комбинация инструментов партийного строительства привела к формированию устойчивой партийной системы, в которой существует одна доминантная и несколько более мелких партий. По мере приобретения казахстанским обществом опыта жизни в условиях плюралистической партийно-политической системы возникла целесообразность перехода к смешанной избирательной системе: с 2022 г. в стране внедряется пропорционально-мажоритарная система выборов, при которой нижняя палата парламента формируется на 70 % из числа депутатов по партийным спискам, на 30 % – по одномандатным округам [14].

Описанные закономерности дополняют сформулированные еще в 1950-е годы так называемые социологические законы М. Дюверже, согласно которым:

– мажоритарная система относительного большинства в один тур способствует поддержанию двухпартийности, потому что избиратели быстро понимают, что их голоса будут попросту потеряны, если они продолжат отдавать их третьей партии. Проверенная десятилетиями эффективность избирательной формулы, которая действует, например, в США, оставляет без шансов

на победу даже самые амбициозные проекты «третьих партий» («Прогрессивная партия» Т. Рузвельта, «Американская независимая партия» Дж. Уоллеса, «Партия реформ» Р. Перо, «Америка» И. Маска);

– мажоритарная избирательная система абсолютного большинства в два тура, изначально предполагающая возможность проведения второго тура голосования (например, во Франции), ведет к формированию многопартийности, потому что итоги первого тура не являются окончательными и партии, которые не прошли во второй тур, могут составить альянс с лидерами избирательной гонки;

– пропорциональная избирательная система способствует умножению количества партий (особенно если она приходит на смену мажоритарной избирательной системе) и др. [15, с. 265].

Следует отметить, что возможности управления партийным полем страны не ограничиваются перечисленными нами правовыми инструментами. Например, путем регламентации на законодательном уровне статей и объемов расходов партийных средств, в том числе выделенных государством, возможно стимулировать членство в партиях женщин, молодежи, лиц с ограниченными возможностями, представителей этнических меньшинств, активизировать их участие в избирательных кампаниях, повысить уровень регионального представительства партийных структур, совершенствовать аналитическую (экспертную) работу и др. Функции упреждающего контроля может выполнять правовое закрепление технологии многоступенчатого подхода к процессу создания и регистрации политической партии, предполагающего юридическое закрепление намерений создания партии (уведомление уполномоченных органов о формировании организационного комитета, получение разрешения на открытие расчетного счета оргкомитета), проведение учредительного съезда (с предъявлением требований к количеству учредителей и их представительству), определение временного периода, в течение которого партия должна нарастить численность и организационные структуры до количества, необходимого для ее регистрации.

Однако несмотря на объективно существующие социальные эффекты от применения инструментов партийного строительства, их внедрение требует учета культурно-ценностного контекста страны и региона в целом. Данный контекст задает глубинные предпосылки партийного строительства, которые не только обуславливают выбор правового инструментария, но и могут преломлять социальный эффект его внедрения. По нашему мнению, именно культурно-ценностный контекст объясняет тот факт, что использование схожего юридического инструментария хоть и позволило де-юре приблизить политическое устройство незападных обществ к западным демократиям (продуктом которых является институт политической партии), но их исторические и культурные особенности способствовали формированию уникальных партийных

ландшафтов, что в логике Хартии многообразия в XXI в. [1] является вариантом нормальности, обусловленным цивилизационным контекстом партийного строительства.

С этой позиции уместно рассмотреть предпосылки развития двухпартийной системы **Соединенных Штатов Америки**, политические партии которой имеют более чем 200-летнюю историю. На их формирование существенное влияние оказали ценности протестантизма (преобладающей религиозной конфессии) и сформированные в его парадигме прецедентное право, конституционные принципы «сдержек и противовесов», разделения властей, федерализма.

По мнению К. Е. Коктыша, именно из цивилизационных особенностей протестантской политической архитектуры вытекает прецедентный характер права стран англосаксонского мира, когда основой для государственного решения становятся не общие принципы, а интерпретация определенного прецедента определенным образом [16]. Ее принципиальные элементы в Новое время формировались священными текстами, а в условиях нарастающего секуляризма – универсальными демократическими ценностями. В рамках протестантской политической архитектуры государство наделяется прерогативой артикулировать и интерпретировать политические ценности. Рассматривая цивилизационные предпосылки партийного строительства в США, важно принимать во внимание еще одну особенность протестантизма: он «не признает посредников в общении человека с Богом, а исходит из права каждого индивида на собственный диалог с ним. Из этого прямо вытекает плюралистичный характер систем ценностей, ведь каждый в этом диалоге может слышать нечто свое» [16, с. 113]. Еще одним следствием протестантского влияния в Америке стало формирование культуры добровольных ассоциаций, что способствовало объединению разных групп в различные типы неправительственных организаций для достижения общественных целей.

Уникальные условия для партийного строительства в США создает федерализм, обеспечивая баланс между единством на федеральном уровне и многообразием региональной специфики партийной жизни. Конституция США закрепляет за штатами широкие полномочия. Это приводит к тому, что в каждом штате действует относительно независимая политическая система, со своей спецификой проведения выборов, формирования партийных структур и участия в национальном политическом процессе.

Следствием децентрализации выборного процесса является слабость партийных центров и усиление региональных партийных структур, поскольку значительная часть избираемых должностей находится на уровне штатов и местных сообществ. Кандидаты на выборные посты часто строят свою кампанию, ориентируясь на специфические интересы своего штата, что способствует формированию партий с выраженной региональной идентичностью. В то же время мажоритарная избирательная система, при которой «победитель

получает всё», стимулирует партии находить компромиссы с региональными организациями в каждом штате, которые отвечают за выстраивание сети поддержки кандидатов и мобилизацию избирателей.

Федерализм также отражается в механизмах формирования федерального законодательного органа (Конгресса): Палата представителей состоит из депутатов, избираемых в каждом штате пропорционально населению, а в Сенат входят по два сенатора от каждого штата, что обеспечивает равное представительство субъектов федерации независимо от их размера. В результате влияние штатов на федеральную политику остается значительным, а партийные стратегии на уровне нижней палаты парламента вынуждены учитывать региональные особенности и приоритеты.

Избрание президента США коллегией выборщиков (представителями от каждого штата, численность которых определяется количеством конгрессменов и сенаторов от этого штата) также является проявлением федерализма, поскольку каждый штат имеет свой «вес» в выборе президента вне зависимости от численности населения. Это дает малонаселенным штатам пропорционально большее влияние, что заставляет кандидатов учитывать интересы различных регионов, а не только густонаселенных мегаполисов. Например, в 2024 г. именно «колеблющиеся штаты» (swing states), такие как Пенсильвания, Флорида, Джорджия и Невада, стали ключевыми аренами политической борьбы между республиканцем Д. Трампом и демократом Дж. Байденом. Партийные кампании сосредоточились на этих штатах именно из-за их решающей роли в распределении голосов выборщиков. В то же время крупные штаты с устойчивой партийной ориентацией (например, Калифорния – за Демократическую партию, Техас – за Республиканскую) получили меньше внимания как с точки зрения стратегического мобилизационного ресурса, так и финансирования кампаний.

Таким образом, федерализм в США создает уникальные условия для партийного строительства, формирует многослойную партийную систему с сильной региональной спецификой, где успех зависит от способности партий и кандидатов учитывать интересы и настроения в разнообразных субъектах федерации. Высокая доля автономии партий на местах препятствует чрезмерной централизации и способствует устойчивости двухпартийной системы, поддерживаемой мажоритарной избирательной системой абсолютного большинства один тур. При этом организационная структура и Демократической и Республиканской партий рыхлая, в обеих партиях отсутствует институт фиксированного членства, в идейном отношении их сложно назвать монолитными. В то же время принципы сдержек и противовесов, разделения властей создают структурный каркас и институциональные условия, в которых партийные организации становятся ключевыми акторами политической жизни, обеспечивающими баланс власти, политическую конкуренцию и участие общества в управлении государством [13, с. 44–78].

В отличие от США, где правовая регламентация статуса партий на федеральном уровне отсутствует¹, в **странах Европы** процессы партийного строительства характеризуются созданием «сверху» условий для деятельности партий. Это укладывается в матрицу присущей большинству европейских обществ католической политической архитектуры, которой свойственно доминирование нормативной власти, определяющей правила игры и пространство для деятельности остальных фигур влияния [16].

Партии и партийные системы в европейских странах формируются в условиях, четко заданных государственными институтами при помощи правовых, финансовых и избирательных инструментов. Комбинации которых, как правило, способствуют формированию многопартийных систем с той лишь разницей, что в отличие от Западной Европы, где наряду с партиями правом выдвижения кандидатов в депутаты наделены ассоциации граждан, в странах Центральноевропейского региона единственным коллективным участником выборов, чаще всего определены юридически оформленные партии. Последнее обстоятельство обусловлено особенностями постсоциалистического развития этих стран, возобновлением процесса партийного строительства в условиях деидеологизации партийной жизни и проникновения маркетинговых технологий в политику.

Незападный мир вступил на путь политической модернизации значительно позже стран Запада – во второй половине XX в. Процессы партийного строительства на Востоке проходили в условиях быстрого перехода от аграрного экономического уклада к капитализму и открытому информационному обществу. При всех особенностях данного процесса его интегральной характеристикой была слабость социально-политических институтов. В восточных обществах социальная база политических партий не имеет выраженного классового, группового характера, основу партий составляют иерархические патрон-клиентские отношения. Традиция отношения к власти как к божественному дару, общинная модель функционирования политики, отсутствие ее четкого отделения от общественных и личных взаимоотношений оказали существенное влияние на применение инструментов партийного строительства. Несмотря на то что политическим элитам данных стран удалось де-юре приблизить свое политическое устройство к западным демократиям, исторические и культурные особенности Востока способствовали формированию в этом регионе особого типа доминантно-партийной системы. Заслуживает внимания мнение Л. Х. Матакбаевой о том, что доминантно-партийная система отражает не национальные и не этнокультурные особенности, а более

¹ В законодательстве США не существует понятия «политическая партия». На партии распространяется общий термин «корпорации», подразумевающий негосударственные объединения. Регламентация статуса политических партий осуществляется в контексте выборов, в частности Актом о финансировании федеральных избирательных кампаний 1974 г. [13, с. 30].

общие цивилизационные формы, присущие Востоку в целом, хотя не всем его общностям, но практически всем культурным ареалам в той или иной степени [17].

Отдельно в этом ряду следует отметить опыт партийного строительства **Китая**. Политическая система этой страны была создана на основе республики советского типа, специфическим признаком которой являлась концентрация власти в руках правящей партии – Коммунистической партии Китая (КПК). Под руководством КПК функционирует система многопартийного сотрудничества и политических консультаций с демократическими партиями, которых на сегодняшний день насчитывается восемь. Они представляют четыре класса китайского народа. Поскольку в стране не используется понятие неправящей, или оппозиционной, партии, КПК выступает правящей партией, а остальные партии заняты в политических делах страны посредством участия в государственном управлении, консультациях и обсуждениях относительно общегосударственного политического курса и избрания государственных руководителей, в управлении государственными делами, разработке и проведении государственного курса, политики, законодательства и т. п. Таким образом, в Китайской Народной Республике на основе политической культуры марксизма с китайской спецификой в политическую практику имплементируются институты народной, консультативной, переговорной демократии и демократии участия. В такой конфигурации отражается цивилизационная конфуцианско-даосская политическая архитектура, суть которой, по мнению К. Е. Коктыша, выражается в том, что «две иерархии – нормативная и властная – напрямую не пересекаются друг с другом, а коммуницируют через общество. Власть в этой системе начинает действовать не для того, чтобы что-то сделать, а для того, чтобы исправить, когда что-то пошло не так, ведь по умолчанию все идет правильно и система воспроизводит саму себя» [16, с. 126]. Конфуцианская этика гармонии и избегания конфликта способствует управлению политической конкуренцией и укреплению стабильности партийной системы.

Несмотря на общность ряда предпосылок процесса партийного строительства **в постсоветских странах**, в них формируются различные типы партийных систем, что было продемонстрировано нами в начале статьи на примерах Республики Армения и Республики Казахстан. Отметим, что партийное, да и государственное строительство в целом на постсоветском пространстве до настоящего времени находится под пристальным вниманием (а порой и под непосредственным влиянием) стран коллективного Запада и, следовательно, является отражением не только цивилизационных предпосылок, но и геополитической ориентации этих стран.

Партийное строительство в **Республике Беларусь** определяется принадлежностью нашей страны к восточнославянскому миру, преобладающим влиянием

на белорусское общество православной цивилизации, ее представлений о достижении социальной справедливости, о сильной государственной власти.

Для восточных славян характерна контрастирующая с принципом индивидуализма естественная предрасположенность к соборному типу организации жизни общества, который издревле проявлялся в стремлении решать общие дела в интересах всех и каждого. В понимании православной политической архитектуры общество становится не просто субъектным, а, по сути, реальным источником легитимности любой власти – и светской, и духовной [16]. Сама восточная православная церковь традиционно строила свои взаимоотношения с государством на концепции «симфонии властей», согласно которой церковь и светский правитель должны не делить власть между собой, а осуществлять ее согласованно, при этом приоритет всегда отдается светскому правителю, который одновременно является и главой церкви [16].

Белорусское общество как часть восточнославянского мира ориентировано на сильную власть и склонно проявлять лояльность к сильному центру реальной власти. Историческая память о тех периодах неопределенности, в которых белорусский народ оказывался без стабильной сильной власти, связана с периодами междоусобных войн, гражданского противостояния и издержками безвластия. Белорусы, тяготея к единому центру принятия решений, предпочитают ориентироваться на харизматичного лидера, а ответственность за свое будущее и будущее страны возлагают на Главу государства.

Имидж народного Президента и традиция его прямой коммуникации с обществом стали неотъемлемой составляющей публичной политики в Республике Беларусь, где Президент олицетворяет единство народа, а не представляет интересы отдельных социальных или политических групп. Такая самобытная модель общенационального политического лидерства, которая является системообразующим ядром белорусской модели политического и социально-экономического развития, дает основания говорить о надпартийном статусе Главы государства. Многопартийная система в условиях президентской формы правления позволила бы лидеру страны не принимать непосредственного участия в межпартийной конкуренции и осуществляет руководство с опорой на зонтичную партийную структуру, представленную в парламенте. В такой конфигурации функциональное предназначение самой большой партии в парламенте – активная поддержка Президента в идеологическом сопровождении реализуемой социально-экономической политики, а небольших партий – сегментация работы с электоратом. При этом отсутствие партии, имеющей абсолютное большинство голосов в парламенте, будет стимулировать деятельность небольших партий, обеспечивая конкуренцию различных идей и проектов социально-экономического и духовного развития [18].

Первые шаги в направлении формирования такой партийной системы уже сделаны. Изменения и дополнения, внесенные в 2023 г. в Закон Республики

Беларусь «О политических партиях»¹ создали условия для формирования в стране ответственных массовых политических сил, выстраивания между партиями и государством взаимодействия на основе стратегии сотрудничества и межпартийной конкуренции.

В дальнейшем по мере обретения всеми субъектами политического процесса (государственными органами, органами местного управления и самоуправления, институтами гражданского общества, в том числе политическими партиями) опыта партийно-политического взаимодействия применение широкого инструментария партийного строительства позволит стимулировать аналитическую функцию политических партий, повысить их роль в законотворческой деятельности, поддерживать баланс между репрезентацией социально-экономических интересов различных групп и стабильностью политической системы.

Проведенный анализ показывает, что партийное строительство представляет собой сложный процесс, тесно связанный с культурно-ценностным и цивилизационным контекстом каждой страны и региона. Несмотря на общие юридические и институциональные рамки, исторические, религиозные и социальные особенности формируют уникальные предпосылки для партийного строительства, приводя к формированию двухпартийных, многопартийных, доминантно-партийных, государственно-партийных и иных партийных систем. Признание за государствами права на уникальность подходов к партийному строительству соответствует объективному цивилизационному многообразию народов и культур, является важнейшим условием построения нового справедливого многополярного мироустройства.

Список использованных источников

1. Совместное видение Евразийской хартии многообразия и многополярности в XXI веке // Министерство иностранных дел Республики Беларусь : [сайт]. – 2 дек. 2024 г. – URL: https://mfa.gov.by/press/news_mfa/e17826d893b0fef2.html (дата обращения: 25.07.2025).

2. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон ; пер. с англ. Т. Велимеева. – М. : АСТ, 2021. – 571 с.

3. Шендик, Т. А. Партийное строительство как научное направление и категория политической науки / Т. А. Шендик // Общество и экономика. – 2023. – № 12. – С. 68–86.

4. Ачкасов, В. А. Этнические партии в политических системах мультиэтничных государств / В. А. Ачкасов // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2024. – № 77. – С. 262–247. – DOI: 10.17223/1998863X/77/22

5. Берлявский, Л. Г. Трансформация избирательной системы Великобритании / Л. Г. Берлявский // Сравнительное конституционное обозрение. – 2011. – № 4. – С. 47–53.

¹ Увеличены требования к минимальной численности членов, необходимой для создания и регистрации партии (с 1 тыс. до 5 тыс. человек), наличие организационных структур партии (во всех областях, г. Минске и 1/3 районов страны); обеспечение незыблемости конституционного строя и гражданского согласия определено универсальной целью деятельности политических партий и др. [19].

Цивилизационный контекст партийного строительства

6. Шендик, Т. А. Экзогенные факторы партийного строительства на постсоветском пространстве / Т. А. Шендик // Веснік Беларускага дзяржаўнага эканамічнага ўніверсітэта. – 2022. – № 2. – С. 113–121.
7. Партийная система Армении под микроскопом: научно-экспертная дискуссия в Ереване // Verelq: News & Analysis : [сайт]. – URL: <https://verelq.am/ru/node/158990> (дата обращения: 17.08.2025).
8. Григорян, Г. Политические процессы в Армении: вызовы и возможности / Г. Григорян // Россия и новая цивилизация. – 2019. – № 2. – С. 141–160. – DOI: 10.20542/2073-4786-2019-2-141-160
9. О партиях : Закон Респ. Армения от 3 июля 2002 г. // Arlis.am : [информ. правовая система]. – URL: <https://www.arlis.am/ru/acts/63561> (дата обращения: 17.08.2025).
10. О партиях : Конституционный закон Респ. Армения от 30 дек. 2016 г. № ЗР-224 // Legislationline.org : база данных БДИПЧ/ОБСЕ по юрид. обзорам и законодательству. – URL: <https://legislationline.org/taxonomy/term/25130> (дата обращения: 17.08.2025).
11. Избирательный кодекс Республики Армения от 25 мая 2016 г. // Arlis.am : [информ. правовая система]. – URL: <https://www.arlis.am/hy/acts/108731> (дата обращения: 17.08.2025).
12. Черненко, Л. В Казахстане изменят требования к спискам при создании политических партий и их численности / Л. Черненко // Zakon.kz : [сайт]. – URL: <https://www.zakon.kz/6029898-v-kazakhstan-izmeniat-trebovaniia-kspiskam-pri-sozdanii-politicheskoi-partii-i-ikh-chislennosti.html> (дата обращения: 17.08.2025).
13. Конституционное (государственное) право зарубежных стран : учебник : в 4 т. / отв. ред. Б. А. Страшун. – М. : Норма : Инфра-М, 1993–2001. – Т. 4 : Часть особенная: страны Америки и Азии / И. А. Алебастрова, В. А. Рыжов, Г. Н. Андреева [и др.]. – 2001. – XVI, 639 с.
14. О выборах в Респ. Казахстан : Конституционный закон Респ. Казахстан от 28 сент. 1995 г. № 2464 // Zakon.kz : [сайт]. – URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1004029, https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1004029 (дата обращения: 17.08.2025).
15. Дюверже, М. Политические партии / М. Дюверже ; пер. с фр. Л. А. Зиминной. – М. : Акад. проект, 2000. – 558 с.
16. Коктыш, К. Е. Дискурс рационализма, свободы и демократии : монография / К. Е. Коктыш. – М. : Моск. гос. ин-т междунар. отношений (Ун-т) МИД России, 2021. – 320 с.
17. Матакбаева, Л. Х. Специфика формирования партийно-политических систем стран Востока / Л. Х. Матакбаева // Вестник Казахского национального педагогического университета имени Абая. Серия: Международная жизнь и политика. – 2014. – № 3. – С. 29–33.
18. Шендик, Т. А. Специфика и перспективы партийного строительства в Республике Беларусь / Т. А. Шендик // Проблемы национальной стратегии. – 2025. – № 2. – С. 132–149.
19. Об изменении законов по вопросам деятельности политических партий и других общественных объединений : Закон Респ. Беларусь от 14 февр. 2023 г. № 251-З // іlex : информ. правовая система (дата обращения: 17.08.2025).

Поступила 19.08.2025 г.